

Д.В. ОФИЦЕРОВ-БЕЛЬСКИЙ

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ 1932 года В СВЕТЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

В конце 20-х годов XX в. в польской внешней политике все более проявлялись тенденции к отстаиванию достигнутых позиций и сохранению статус-кво. Локарнские соглашения продемонстрировали, что Франция и Великобритания не были готовы гарантировать стабильность границ в Восточной Европе. Наибольшие сложности у Польши возникли с традиционным союзником – Францией. Этому во многом способствовала политика бриандизма, проводимая Парижем и предполагавшая сближение Франции и Германии. Во французской прессе проходили масштабные антипольские кампании. Зачастую они финансировались из Берлина.

Отношения с соседними странами у санационной Польши быстро ухудшались. В Германии стремление к пересмотру границ с Польшей было официально обозначено еще в 1925 г. С каждым годом заявления германских политиков и дипломатов по этому вопросу становились все более агрессивными. После проблеска в отношениях с СССР накануне майского переворота 1926 г. последовал длительный период дипломатической стагнации. Отношения с Чехословакией так и не были налажены, а в отношениях с Литвой не могло идти речи о позитивных сдвигах без решения вопроса о виленском районе, оккупированном Польшей. Обе страны охотно предоставляли убежище для украинских террористов, что тоже осложняло отношения. Из всех соседей только с Румынией у Польши были хорошие отношения. Но они осложнялись тем, что в отношениях Москвы и Бухареста не был урегулирован бессарабский вопрос.

Польские и советские дипломаты обсуждали возможность заключения пакта о ненападении еще до майского переворота 1926 г. После прихода Ю. Пилсудского к власти переговоры зашли в тупик. Польская сторона настаивала на заключении коллективного соглашения восточноевропейских стран с СССР. В Варшаве понимали, что коллективный договор позволит выстроить более стабильную систему безопасности и может способствовать закреплению лидирующей роли Польши в регионе. СССР был ориентирован на формирование комплекса двусторонних соглашений. Так советским дипломатам было проще “продать” свои интересы и сохранить свободу маневра после подписания договоров.

К концу 20-х годов XX в. международная изоляция СССР практически сошла на нет. В стране был взят курс на индустриализацию. Было очевидно, что в перспективе СССР достигнет окончательного международного признания, станет членом Лиги Наций и, вероятно, укрепит свою военную и экономическую мощь. Политический торг Варшавы и Москвы мог бы стать еще более сложным для польской дипломатии. А потому польские дипломаты во что бы то ни стало стремились заключить соглашение с СССР.

Польский исследователь М. Захариас отнес начало нового этапа польско-советского сближения к сентябрю 1930 г. По его мнению, сближение между странами было стимулировано резким усилением ревизионистской пропаганды в Германии, начав-

Офицеров-Бельский Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Пермь).

шейся в марте 1930 г. Уже в конце 1930 г. советский полпред В.А. Антонов-Овсеенко настаивал на возобновлении переговоров по пакту о ненападении¹. Практически все польские и большинство советских исследователей утверждали, что инициатива возобновления переговоров исходила от советской стороны. На протяжении многих лет для советских историков эта инициатива служила подтверждением мирных устремлений СССР. Современный отечественный исследователь О. Кен предположил, что В.А. Антонов-Овсеенко пользовался значительной автономией от Москвы в выстраивании советско-польских отношений и не всегда следовал рекомендациям Наркоминдела. По его убеждению, именно назначение В.А. Антонова-Овсеенко полпредом в Польшу стимулировало возобновление в конце 1930 г. советско-польских переговоров по пакту о ненападении. Ссылаясь на польские источники, он утверждал, что советское руководство было не против урегулирования отношений и было готово к заключению пакта.

Хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), дневники М.М. Литвинова дают исследователям возможность скорректировать историю заключения советско-польского пакта 1932 г. С подачи польского Министерства иностранных дел (МИД) польская пресса и информагентства утверждали, что инициатива возобновления переговоров исходила от СССР. 5 января 1931 г. М.М. Литвинов записал в дневнике о встрече с польским посланником: «Я обратил внимание Патека на слухи в печати о происходящих якобы советско-польских переговорах относительно пакта ненападения и торгового, между тем как никаких предложений мы последнее время Польше не делали и от нее не получали. Патек смущенно сказал, что он давно уже говорил мне, т. Стомоякову и Крестинскому о необходимости заключения некоторых конвенций, в том числе и о примирительной процедуре... На мое замечание, что насколько мне помнится он свои предложения делал от собственного имени, а не официально, Патек ответил, что он говорил с ведома Варшавы и даже Пилсудского. Я сказал, что разговоры имели место много месяцев тому назад, что мы о них не сообщали и, вероятно, сам Патек тоже прессе не сообщал, что от примирительной процедуры до пакта о ненападении еще очень далеко и этим как будто нельзя объяснить слухов, появившихся в прессе только за последнее время»².

Приведенный отрывок из дневника М.М. Литвинова свидетельствует, что ранее не было никаких переговоров по пакту, но имел место зондаж позиции СССР и попытка польских властей оказать воздействие на третьи страны посредством распространения ложной информации. Она-то и была впоследствии расценена историками как факт. Правомерным будет также предположить, что С. Патек, действовавший неофициально, выполнял поручение Ю. Пилсудского, о котором в польском МИД не имели полного представления. Поддерживая видимость наличия советского предложения, в январе 1931 г. польский министр иностранных дел А. Залеский в беседе с итальянским послом в Варшаве заметил, что новый пакт о ненападении был бы только повторением и в известной степени ослаблением пакта Келлога³. По словам А. Залеского, польское правительство было бы готово изучить пакт о Согласительной комиссии без арбитража, которого стремилась избежать советская сторона. Обязательной в соглашении должна была стать статья, исключающая возможность участия одной страны в соглашениях, обращенных против другой страны. Поскольку это условие относилось бы и к союзникам по обороне, то польская сторона настаивала на том, чтобы договор содержал упоминание и о польско-румынском оборонительном союзе, а также был сообщен еще до подписания балтийским государствам. О беседе А. Залеского с итальянским послом в Варшаве рассказал М.М. Литвинову посол Италии в Москве Б. Аттолико, очевидно, вполне сознавая провокационное значение своей миссии и заодно пытаясь

¹ *Zacharias M.* Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936. Wrocław, 1981.

² АВПРФ, ф. 09, оп. 6, п. 47, д. 1, л. 2–3.

³ Там же, л. 9.

выяснить как можно больше о настоящем характере советско-польских отношений. М.М. Литвинов заверил итальянского посла в Москве, что советско-польский пакт о ненападении – мистификация. Б. Аттолико ответил, что это был очень ловкий ход со стороны Польши, ускоривший подписание польско-румынского договора.

В 1931 г. советские и французские дипломаты вели переговоры о заключении договора о ненападении. Готовившееся соглашение было рассчитано на внешний резонанс и должно было стать основой дальнейшего сотрудничества. Оно могло привести к тому, что советская составляющая франко-польской военной конвенции 1921 г. утратила бы значение. Советско-французское соглашение фиксировало изменение политического курса Франции. И это тревожило Варшаву. Пакт о ненападении между СССР и Францией был парафирован 10 августа 1931 г. Он оказал влияние на ход советско-польских переговоров. СССР использовал в качестве посредника Францию, вновь заинтересованную в советско-польском соглашении. Генеральный секретарь МИД Франции Ф. Бертло 5 октября 1931 г. сообщил, что А. Залеский, которому он показал текст парафированного советско-французского пакта, посчитал его приемлемым также для советско-польского пакта⁴. Некоторое время спустя советский представитель В.С. Довгалецкий сообщил в беседе с Ф. Бертло, что его правительство готово подписать с Польшей пакт, аналогичный тому, что незадолго до этого был парафирован с Францией⁵. О разговоре В.С. Довгалецкого и Ф. Бертло было сообщено польской дипломатии с намерением получить официальный ответ А. Залеского о готовности подписать пакт. Новая беседа М.М. Литвинова с С. Патеком состоялась 14 ноября 1931 г. Она усилила недопонимание сторон. “Г-н Пате́к, – отметил в дневнике М.М. Литвинов, – по этому поводу заявил: текст парафированного советско-французского пакта был прочитан г-ну Залескому Лярошем в Варшаве. Сам текст польскому правительству вручен не был ни в Париже, ни в Варшаве. На соответствующий вопрос г-на Бертло, г-н Залеский в Париже ответил ему, что не находит в советско-французском пакте никаких моментов, противоречащих интересам Польши. Никакого разговора между Бертло и г-ном Залеским о советско-польском пакте не было”⁶. Дальнейшие выяснения обстоятельств беседы Ф. Бертло и А. Залеского, предпринятые советской дипломатией, привели к выводу, что вероятнее всего французским дипломатом была предпринята попытка ввести в заблуждение советскую сторону с целью стимулировать продвижение переговоров.

Современные польские и отечественные историки обыкновенно подчеркивают, что Франция была заинтересована в заключении советско-польского пакта на всех этапах переговоров⁷. По мнению польского историка М. Волоса, французская дипломатия выражала заинтересованность в польско-советском пакте, так что даже пыталась прежде поставить в зависимость от его подписания заключение франко-советского соглашения о ненападении. Скорее всего, это было лишь частью дипломатической игры. Действительной целью французской политики было ослабить свои обязательства в отношении Польши. Именно такую версию, высказанную М.М. Литвиновым, поддерживает и О. Кен⁸.

Польская сторона отвергла советское предложение, посчитав советско-французский пакт неподходящим для Польши, поскольку в нем было много лишнего для Польши и не было того, что Польшу особенно интересовало. С. Пате́к предложил советским дипломатам вернуться к проекту пакта 1926 г. с дополнениями, сделанными им в документе, врученном Л.М. Карахану 23 августа 1931 г. По мнению С. Пате́ка, этот документ, кроме ряда дополнений, сделанных им самим, а не министром иностранных дел, отличается от советского проекта лишь упоминанием пакта Келлога и Московского протокола⁹. М.М. Литвинов заметил в ответ, что, так как предшествую-

⁴ Там же, л. 28.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 31.

⁷ *Wolos M.* Francja–ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. Toruń, 2004.

⁸ *Кен О.* Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003.

⁹ АВПРФ, ф. 09, оп. 6, п. 47, д. 1, л. 32.

ший советский проект вызвал разногласия, которые не удалось разрешить в течение пяти лет, то был предложен в качестве основы текст франко-советского соглашения, на котором СССР не настаивает, однако находит, что ничего лишнего для Польши в этом документе нет¹⁰. В частности, четвертую статью этого пакта и в особенности ее вторую часть – о недопустимости военных организаций и представителей лжеправительств – было бы полезно иметь и в советско-польском пакте. Относительно упоминания в новом соглашении пакта Келлога и Московского протокола, заверил М.М. Литвинов, никаких возражений с советской стороны быть не может. Для польской стороны упоминание в соглашении о ненападении приверженности принципам пакта Келлога, вероятно, означало, что в случае несоблюдения этих принципов пакт стал бы недействительным.

В той же беседе С. Патек заметил, что Рижский договор, пакт Келлога и Московский протокол в достаточной степени обеспечивают мир между странами и принципиальной необходимости в четвертом пакте, трактующем ту же тему как будто нет¹¹. Тем не менее, польский посланник выразил мнение, что заключение пакта было бы полезным, в особенности, если он будет включать в себя новые моменты – польское правительство интересовало заключение СССР пакта со странами по всей линии от Финляндии до Румынии включительно. Если СССР, по мысли С. Патека, намеревается избежать при переговорах на эту тему возможность установления Польшей протектората над третьими странами, то польское правительство готово с этим считаться, не настаивая на той или иной форме. Таким образом, безразличие польской дипломатии к форме, в какой советская сторона будет готова к заключению соглашений о ненападении со своими западными соседями, свидетельствует о наличии в 1931 г. действительной заинтересованности Польши в пакте о ненападении с СССР.

Советские дипломаты продемонстрировали жесткую позицию. М.М. Литвинов ответил С. Патеку: “Для нас действительно неприемлемы переговоры с Польшей о наших взаимоотношениях с третьими государствами, а тем более упоминание об этих взаимоотношениях в польско-советском документе... Если польское правительство заинтересовано в заключении между нами и этими странами пакта, то оно несомненно в течение истекших пяти лет употребило немало усилий для оказания влияния на правительства этих прибалтийских стран, чтобы побудить их принять наше предложение. Если и это не помогло, то, очевидно, затруднения следует искать не на нашей стороне”¹². М.М. Литвинов подтвердил польскому посланнику, что советское предложение прибалтийским странам остается в силе, и пакты с ними могут быть подписаны завтра же. Наркоминдел добавил: “Мы были бы рады, если бы послезавтра пакт был подписан также и с Польшей”, тем самым давая понять, что требования С. Патека могут быть чреваты для самой Польши ослаблением ее позиций в случае, если соседние страны подпишут пакт с СССР раньше. В этом случае Польше пришлось бы пойти на серьезные уступки СССР или же оказаться в изоляции, отказавшись заключать пакт.

Затронув вопрос советско-румынских взаимоотношений, С. Патек высказал мысль, что, может быть, удалось бы подписать с ней пакт с сохранением вопроса о Бессарабии открытым, то есть польская сторона неофициально соглашалась с наличием советских претензий, чего вряд ли можно было ожидать в условиях меньшей заинтересованности Польши в соглашении с СССР. В ответ М.М. Литвинов заметил, что если бы Румыния сделала СССР предложение в указанном С. Патеком духе, то оно было бы желательно рассмотрено, но подобные переговоры не требуют участия третьих стран¹³. Рассчитывая, по всей видимости, что румынская сторона будет проинформирована о содержании данной беседы, М.М. Литвинов добавил, что и при отсутствии нормальных отношений с СССР у Румынии имеется достаточно возмож-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 32–33.

¹² Там же, л. 33.

¹³ Там же, л. 34.

ностей вступить в контакт с Москвой. Впоследствии проблемы советско-румынских отношений стали основным фактором затягивания Польшей переговоров с СССР, а успешное заключение СССР соглашений о ненападении с прибалтийскими странами стало толчком к скорейшему подписанию польско-советского пакта, уже без оглядки на Румынию.

Советские дипломаты подробно информировали о ходе переговоров Францию и постоянно напоминали об этом польской стороне в ситуациях, когда переговоры заходили в тупик. В беседе с германским послом Г. Дирксеном 24 ноября 1931 г. М.М. Литвинов сказал: “Либо Польша возьмет обратно свои требования или изменит их и тогда окажется возможным подписать пакт, либо же мы зафиксируем разногласия и сообщим о них Франции”¹⁴. При этом он, очевидно, не только констатировал реальное положение дел, но и желал усилить ту нервность, какую в Германии вызывал уже сам факт ведения переговоров. Еще 16 ноября 1931 г. Г. Дирксен говорил М.М. Литвинову, что этот акт не может не оказать влияния на германскую общественность, особенно, если всем известно, что СССР возобновил переговоры с Польшей под давлением Франции, якобы ограничивающим маневренную способность СССР¹⁵. Особенно, по словам Г. Дирксена, Германию беспокоит возможность упоминания в пакте целостности территории Польши – если против этого нельзя возражать в советско-французском пакте, то иное впечатление произведет это упоминание в советско-польском пакте. Берлин опасался, что данный пункт соглашения может помешать в будущем пересмотру территориальных статей Версальского договора, допускавших их мирную ревизию. В данном случае очень важна ремарка М.М. Литвинова к словам Г. Дирксена: “Что касается целостности территории, то речь идет лишь о нарушении ее насильственными актами, а не о признании законности и справедливости тех или иных границ”¹⁶.

Германский посол Г. Дирксен посетил М.М. Литвинова 5 декабря 1931 г., имея при себе заметки к проекту польско-советского пакта с содержанием которого он был прекрасно знаком. Основными были следующие замечания, подготовленные юристами германского МИД:

1. Польша не может быть связана полностью нейтралитетом в силу статьи 16 устава Лиги Наций и, таким образом, советские обязательства будут превышать польские.

2. Советскому правительству следует оговорить отказ от нейтралитета в случае нападения Польши на третье государство.

3. Упоминание о целостности территории излишне, тем более, что оно близко подходит к содержанию статьи 10 устава Лиги Наций.

4. Оговорка о сохранении в силе ранее заключенных соглашений нежелательна, поскольку под этим будут подразумеваться также обязательства Польши в отношении Лиги Наций и поскольку у Польши могут быть обязательства неопубликованные¹⁷.

М.М. Литвинов в ответ сделал ряд замечаний, конкретизирующих советскую позицию по вопросам пакта с Польшей¹⁸. Он сказал, что упоминание о нейтралитете является советским требованием, реализации которого Польша желает избежать. М.М. Литвинов заявил, что готов подумать о том, не следует ли прекратить настойчивость в отношении слова “нейтралитет”. В любом случае статья будет отредактирована таким образом, чтобы под нее нельзя было подводить случаев нападения Польши на Германию или любое другое государство.

М.М. Литвинов не видел проблемы в обязательствах Польши перед Лигой Наций, хотя и жестко возражал в переговорах с польскими представителями против упоминания о них в пакте. Г. Дирксену он представил свои рассуждения, базировавшиеся на тезисе, что Лига Наций не может заставить своих членов оказывать помощь объектам

¹⁴ Там же, л. 45.

¹⁵ Там же, л. 38.

¹⁶ Там же, л. 39.

¹⁷ Там же, л. 49.

¹⁸ Там же.

агрессии или применять санкции к нападающей стороне. “Практически, – отметил М.М. Литвинов, – конечно, Лига Наций может объявить обороняющуюся сторону нападающей, но та же практическая возможность сохраняется и у нас, ибо точного определения агрессии не существует”¹⁹. Некоторые преимущества, несомненно, остаются на стороне Польши, которая в подобных случаях будет ссылаться не на собственное определение агрессии, а на постановление Лиги Наций, но СССР не мог предложить партнеру по переговорам покинуть эту организацию или специально оговорить возможность невыполнения санкций.

По вопросу упоминания о целостности территории, М.М. Литвинов повторил Г. Дирксену все сделанные ранее заверения, добавив к ним то, что границы территории в пакте не определяются, но в целом этого упоминания не удастся избежать, поскольку оно предложено Польшей и содержится во французском пакте. “Можно, например, представить себе случай заключения подобного пакта между Литвой и Польшей, – рассуждал М.М. Литвинов, – когда этим отнюдь не выражалось бы признание Виленщины за Польшей, ибо Литва могла бы считать территорию Польши исключаящей Виленщину”²⁰. По аналогии с этим можно утверждать, что согласие СССР на включение в пакт статьи о территориальной целостности, не означало принципиального отказа от изменения советско-польской границы в будущем.

К началу 1932 г. стало очевидным, что заключение пакта о ненападении между СССР и Польшей является делом времени, но, как показывала предыдущая история переговоров, окончательное согласование могло занять еще много времени. Решающую роль в форсировании процесса сыграл ряд факторов, лежащих за пределами двухсторонних отношений.

Летом 1932 г. Польша безуспешно попыталась повлиять на румыно-советские переговоры по пакту о ненападении, советуя Румынии использовать момент, когда Советскому Союзу угрожает опасность на Дальнем Востоке вследствие чего он готов оказать большую уступчивость. Проблемы на Дальнем Востоке, действительно, сыграли существенную роль в форсировании переговорного процесса с западными соседями. Однако, в Польше, были склонны преувеличивать значение этого фактора – номер газеты “ABC” от 20 апреля 1932 г. вышел со статьей под заголовком “Последние дни Владивостока и об ожидаемой с часу на час войне”, а газета “Час” в те дни писала о советско-японском конфликте: “Европу он освобождает от опасности японской конкуренции на Тихом океане”²¹. Французская дипломатия тоже увидела в событиях на Дальнем Востоке действительный стимул для советского руководства к ускоренному обеспечению безопасности на западных рубежах. Так же и ряд современных польских историков полагают, что события на Дальнем Востоке действительно ускорили переговоры по советско-польскому пакту о ненападении²². Однако такая позиция представляется неверной, по двум причинам. Во-первых, соглашение с Польшей на тот момент было для советского руководства существенно важнее перемен в балансе сил в тихоокеанском регионе; во-вторых, несмотря на жесткую антияпонскую кампанию в советской прессе, создававшую видимость готовности к серьезной конфронтации, ни Советский Союз, ни Япония не собирались вступать в конфликт, о чем свидетельствует подготовка и скорое подписание советско-японского соглашения о рыболовстве 13 августа 1932 г.

Существовали и другие объяснения поспешности как Польши так и СССР в вопросе заключения пакта. Например, высказанное французским дипломатом Ф. Дежаном мнение, что поспешность была связана со скорым открытием Женевской конференции по разоружению, где каждая из сторон желала избежать критики подозрений в агрессивных намерениях против своего соседа. Такая трактовка не выдерживает никакой

¹⁹ Там же, л. 50.

²⁰ Там же.

²¹ ABC, 20.IV.1932; Czas, 21.IV.1932.

²² Wolos M. Op. cit., s. 551.

критики в связи с очевидным преувеличением идеальных мотивов в реальной политике Ю. Пилсудского и И.В. Сталина. Однако эту точку зрения поддерживает в качестве слагаемого мотивации лидеров польский исследователь М. Волос²³.

Российский историк М.И. Мельтюхов указывает, что существенное влияние на ускорение переговорного процесса оказало французское давление, прежде всего на советскую дипломатию, особенно то, что 23 сентября 1931 г. Франция заявила о том, что намерена связать подписание советско-польского соглашения с подписанием франко-советского договора²⁴. Разумеется, обе стороны устали от французского прессинга и претензий на патронские функции в отношении договаривающихся сторон, так что ускорение переговорного процесса вполне очевидно было связано также со стремлением СССР и Польши изолировать процесс от французского вмешательства. Однако, если принять эту версию, становится непонятным, отчего сами французские дипломаты были так озадачены поспешностью советского руководства.

Ускорить переговоры Польшу подтолкнуло подписание прибалтийскими странами соглашений о ненападении с СССР. Более чем за месяц до подписания договора, 15 июня 1932 г., министр иностранных дел Ю. Бек телеграфировал в Женеву А. Залескому, что “Пилсудский намерен не поддаваться более на уговоры Румынии об отсрочке, чтобы это не привело к слишком большому разрыву между действиями Польши и прибалтийских стран”²⁵.

В целом, если говорить об источниках форсирования переговорного процесса, следует отметить, что поспешность во многом была задана как взаимным давлением, так и активизацией европейской дипломатии в целом, что вызывало опасность изменения в целом приемлемых для обеих сторон условий.

В начале 1932 г. в Лозанне Франция и Великобритания подписали пакт доверия “энтенте кардинале”. Французская дипломатия трактовала его в целом как антинемецкий, британская – как средство сведения счетов с Америкой, которая “планом Гувера” серьезно испортила свои отношения с Великобританией. На возможность присоединения Польши к пакту, директор политического отдела германского МИД Г. Кёпке заявил, что “Германия не согласится, чтобы Чехословакия или Польша присутствовали или получали голос в дискуссиях по германским делам”²⁶. Польша выразила свою готовность присоединиться к пакту 20 июля 1932 г., а пять дней спустя такое же предложение поступило от Германии, надеявшейся, таким образом, снять антигерманскую направленность пакта. 25 июля 1932 г. Польша подписала с СССР договор о ненападении.

Договор стал в большей степени результатом изменения политической обстановки в мире, нежели просто выражением доброй воли сторон и стал возможен лишь в силу ослабления позиций Польши в Европе. Политики Польши и СССР в равной мере не были склонны видеть в пакте реальные гарантии и обязательства, но видели в нем возможность нормализации отношений, а также демонстрации, адресованной третьим странам²⁷.

²³ Ibid., s. 552.

²⁴ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001.

²⁵ Цит. по: Михутина И.В. Советско-польские отношения. 1931–1935. М., 1977, с. 117.

²⁶ Цит. по: Климовский Д.С. Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений. Минск, 1975, с. 212.

²⁷ Обсуждение пакта о ненападении и его заключение в 1932 г. практически не изменило позицию советского руководства о границе с Польшей. Нарком иностранных дел М.М. Литвинов 5 декабря 1931 г. в беседе с германским послом Г. Дирксеном говорил: “Можно, вообще, ставить вопрос, имеется ли с нашей стороны признание Польши в ее нынешних границах. Но это будет общий вопрос, не имеющий отношения к пакту и в нем не находящий никакого решения”. – АВПРФ, ф. 09, оп. 6, п. 47, д. 1, л. 50.

Подписание соглашения о ненападении с СССР было встречено с одобрением всеми партиями и политическими силами Польши, особенно, разумеется, удовлетворены были эндеки, склонные обычно критиковать внешнюю политику Ю. Пилсудского.

Даже самые скромные оценки значимости пакта выглядели как похвала санационному правительству, например, как это было в комментарии газеты “Паньство працы”: “Мы не обманываем себя, что подписание пакта... сделает невозможной войну. Однако экономическое сотрудничество... которое, несомненно, последует за ратификацией, воспрепятствует вспышке вооруженного конфликта между контрагентами”²⁸.

Правда, излишняя натянутость переговоров, не соответствовавшая значимости разрешаемых проблем, и атмосфера недомолвок, окружавшая пакт, приводили к нелепым казусам, таким как активное выступление С. Мацкевича на страницах своей газеты “Слово” против заключения советско-польского военного союза²⁹.

Вскоре после подписания пакта распространились слухи, что соглашение о ненападении было подчинено более важной для польской дипломатии цели последующего сближения с Германией на более выгодных условиях³⁰. Стремление использовать соглашение и сближение с СССР в качестве козыря, усиливающего позиции Польши в отношениях с Германией возникло, по всей видимости, незадолго до ратификации пакта, т.е. несколько месяцев спустя после его подписания. Впрочем, даже если это намерение возникло раньше, еще в период переговоров с СССР, однозначно можно утверждать, что именно мотивом подписания пакта оно не было.

С момента подписания соглашения до его ратификации прошло почти полгода – достаточно долгий срок для завершающей процедуры. На это повлиял, как и прежде, румынский фактор. Есть мнение, что именно Франция требовала, чтобы Польша не ратифицировала пакт с Москвой, пока та не придет к согласию с Румынией, но Польша на это ответила, якобы, жестким отказом³¹. Ввиду серьезного кризиса польско-французских отношений осенью 1932 г. эта точка зрения представляется более убедительной, чем распространявшаяся польской прессой сразу после ратификации пакта информация, что сроки подписания Францией пакта о ненападении с СССР (29 ноября 1932 г.) и ратификации Польшей пакта (27 ноября 1932 г.) были заранее согласованы между Парижем и Варшавой³².

Наряду с ратификацией соглашения, значительные изменения в польской внешней политике обещало назначение на пост министра иностранных дел полковника Ю. Бека, считавшегося во Франции действительным творцом польско-советского пакта. Краковское издание польских социалистов (PPS) “Напжуд” следующим образом оценил назначение Ю. Бека: “Речь идет ни более ни менее как о перемещении центра тяжести нашей внешней политики с Запада на Юг и Восток, то есть, проще говоря, о более тесном сближении с Италией и Россией и о более сильном отстранении от Франции”³³.

В течение следующих двух лет, до начала споров по проекту Восточного пакта советско-польские отношения развивались как максимально дружественные, а дипломаты двух стран постоянно подчеркивали общность позиций по различным вопросам международной политики. Однако, судьбу отношений двух стран можно было предсказать уже вскоре после ратификации советско-польского пакта. 12 декабря 1932 г., на следующий день после резолюции о равноправии Германии в вооружениях, Ю. Пил-

²⁸ Państwo Pracy, 18.XII.1932.

²⁹ АВПРФ, ф.122, оп.15, п. 51, д. 8, л. 99.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Ляптер К.* О польско-германском соглашении 1934 г. – Вопросы истории, 1962, № 10; *Климовский Д.С.* Германо-польское сближение в 1933 г. – Дранг нах Остен. М., 1967; *его же.* Зловещий пакт. Минск, 1968; *его же.* Германия и Польша в Локарнской системе в европейских отношений. Минск, 1975; *Михутина И.В.* Указ. соч.; и др.

³¹ Zacharias M. Op. cit.

³² Nasz Przegląd, 30.IX.1932.

³³ АВПРФ, ф. 122, оп. 15а, п. 75а, д. 9, л. 9.

судский созвал экстренное совещание, на котором был поставлен только один вопрос: можно ли, и в какой мере рассчитывать на союз с Францией? В результате, был сделан вывод: “Нет, необходимо постараться как можно скорее изменить нашу политику в сторону сближения с Германией”³⁴. Таким образом, долгая история советско-польского сближения и поисков *modus vivendi* не получила продолжения, а соглашение не стало существенной деталью новой конструкции польско-советских отношений.

³⁴ *Табуи Ж.* XX лет дипломатической борьбы. М., 1960, с. 174.